

Долгое время мы усматривали в избиении младенцев в начале своего рода величайшее культурное преступление, отбросившее СССР с передовой линии архитектуры на 20–30 лет и вынудившее их начать с нуля к 1960 году. Если бы Сталин увидел в весь современный тогдашней идеем гитлеровским влиянием архитектуры и всячески поддержал бы именно его, мы имели бы сегодня совершенно иную советскую архитектуру. Выбор Сталина положил конец конструктивистской утопии, по которой архитектура стала новостью с техническим средством жизнестроительства. Конструктивизм Гинзбург 20-х годов был ясной программой общестилевого и средового стандарта, который в руках посредственных исполнителей производил бы гнетущее впечатление. Нереализованные возможности конструктивизма теперь кажутся уже далеко не столь желанными. Программизм и сталинский ампиризм, возможно, имеет другую логику – логику рефлексивных обманов и притворств. Но если конструктивизм бы удержался в качестве генеральной линии лет 30, мы имели бы образец культуры, в большей степени напоминающей Оруэлл, чем что-либо другое.

Ключевые слова: сталинский ампиризм; конструктивизм; стиль; выбор; предостережение. /

We have long regarded beating babies of avant-garde to be the most serious cultural crime, which threw the USSR back from the front line of architecture by 20-30 years and made them start from the beginning in 1960. If Stalin had seen a mainstream for architecture in that advanced idea and supported it, we would have had quite a different Soviet architecture today. His choice put an end to the constructivism utopia, according to which architecture would become a technical means of life organization. Ginzburg's constructivism of the 1920s was a clear program of the common style and environmental standard, which could make an oppressive impression in the hands of third-rate doers. Unrealized opportunities of constructivism now don't look so desirable. The paradoxicality of choosing academism and Stalin's Empire style has probably another logic, a logic of reflexive frauds and false pretenses. However, if constructivism had remained as a general line for about 30 years, we would have had a kind of culture resembling Orwell more than anything else.

Keywords: Stalin's Empire style; constructivism; style; choice; warning.

Роль И. В. Сталина в истории архитектуры / The role of I. V. Stalin in the history of architecture

Порой всем кажется, что Сталин вписал себя в историю архитектуры, дав имя стилю – сталинский ампиризм. Эта мысль понятна, исторически или, точнее, археологически бесспорна. Совокупность архитектурных манер, декоративных и композиционных приемов советской архитектуры 1935–1955 годов может быть так названа. Аналогичным образом можно говорить о «лужковской Москве» или «брежневском модерне». Но эти термины условны и не тянут на полновесные стилистические понятия и категории, потому что нам не известно, в какой мере личности упомянутых лидеров входили в существо архитектурной проблематики и архитектурного творчества. Если Томас Джефферсон все же мог рисовать и делать проекты, то едва ли Сталина кто-нибудь хоть раз видел занятым рисунком или чертежом. Даже Гитлер был ближе к архитектуре как таковой: он что-то рисовал и, возможно, проектировал вместе со Шпеером. Муссолини, кажется, был, как и Сталин, далек от ручной работы и в основном идейно поддерживал тот или иной стиль, дух и намерения.

Дмитрий Хмельницкий говорит о Сталине как о зодчем [1], имея в виду эти его вкусовые и стилистические предпочтения, соединенные с волевым воздействием на процесс проектирования и выработку общей линии развития советской архитектуры. Видимо, Сталина, как и Гитлера, вдохновили бы сооружения Древнего Рима или позднейшие городские сооружения вроде памятника Виктору Эммануилу, проекты Булле или что-нибудь подобное.

Сталин сам не писал об архитектуре ничего такого, что можно было бы истолковать как конкретизацию идей социалистического реализма, за него это делали архитекторы и критики сталинской эпохи – Алабян, Мордвинов, Чечулин, Былинкин и др. Позднее о взглядах на архитектуру марксистских идеологов писал В. И. Рабинович.

Почему я все же склонен усматривать его личную роль в истории советской (а может быть, и мировой) архитектуры. Прежде всего потому, что Сталин проявил весьма важную по своим последствиям инициативу умерщвления советского архитектурного авангарда. Этот акт, совершившийся еще до печально известного 37 года, в начале 30-х годов, по сравнению с будущими зверствами НКВД,

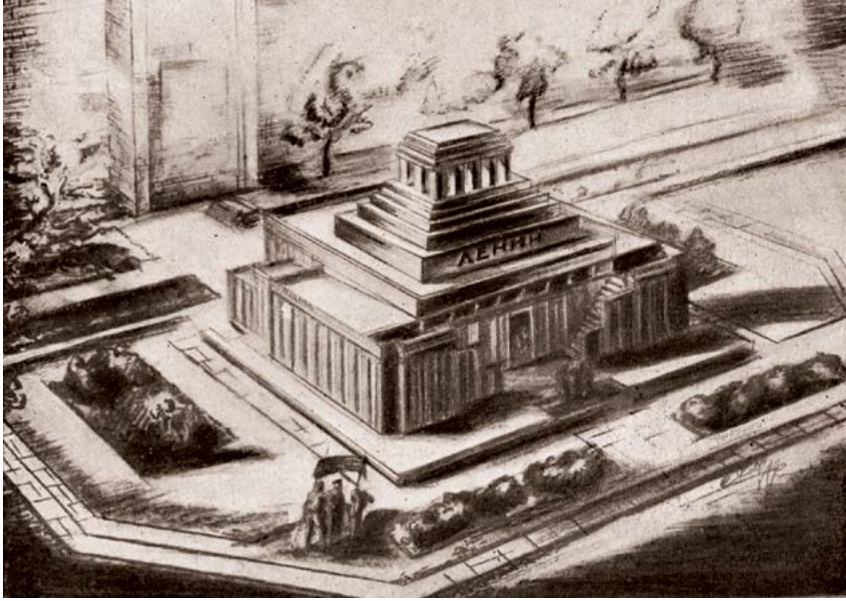
был относительно бескровным (среди жертв известен М. А. Охитович). Архитекторы приняли приказ и либо перестраивались, либо уходили из профессии, а оставшиеся при архитектуре и заказах ловили новые идеи и стили, обзаводились увражами Поля Летаури и Андреа Палладио, участвовали в конкурсах.

Гибель советского архитектурного авангарда заключалась в приостановке деятельности таких его лидеров, как один из талантливых представителей авангарда и идеолог конструктивизма в архитектуре, М. Гинзбург, со всей решительностью большевика и революционера-авангардиста начавший великое дело коммунистического жизнестроительства. Долгое время мы усматривали в избиении младенцев авангарда своего рода величайшее культурное преступление, отбросившее СССР с передовой линии архитектуры на 20–30 лет и вынудившее их начинать с нуля к 1960 году.

Сталинизм расцветал под эгидой соцреализма, хотя ни к социализму, ни к реализму прямого отношения не имел. Сам Сталин, видевший в нем символический вариант нового социалистического города, в личной жизни оставался скорее модернистом и жил в особняках, построенных М. Мержановым по достаточно умеренным лекалам функционализма. И возникает вопрос: почему же он выбрал классово чуждый социализму стиль римской империи, а не выращенный на большевизме конструктивизм М. Я. Гинзбурга? Полагать, что он слишком любил классицизм или ампиризм нет больших оснований. Не только в личной жизни, но и во всем декоруме своей роли «вождя» он плохо вписывался в триумфальные арки, и скульптору Д. Меркурову стоило больших усилий придать ему соответствующий им облик. Внушить народу превосходство конструктивизма над всем, что было до него, при наличии пропагандистской машины 30-х годов было бы не трудно.

Выбор Сталина мог диктоваться множеством вкусовых и стилистических соображений, о которых я судить не берусь. Но одно мне кажется очень важным: этот выбор положил конец конструктивистской утопии, по которой архитектура становилась техническим средством жизнестроительства. И не просто переходила к индустриальным методам, но и меняла всю гамму архитектурных

текст
Александр Раппапорт /
text
Alexander Rappaport

^ Временный деревянный мавзолей. Перспектива. Проект А. В. Шусева. Из кн.: Стоянов Н. Архитектура мавзолея Ленина. Москва : Гос. изд-во архитектуры и строительства, 1950

^ Дворец Советов. Проект Бориса Иофана. 1933

идей – от функционализма до типологии, эргономики, научной психотехники и индустриализации. Если бы Сталин увидел в этой по-своему весьма современной тогда идее магистральное направление архитектуры и всячески поддержал бы именно его, мы имели бы сегодня совершенно иную советскую архитектуру. Возможно, и совершенно иной вариант всей мировой культуры.

Многие посчитали бы такой поворот весьма прогрессивным и истинным, лежащим на магистральном пути развития современной мировой цивилизации, идущей к коммунизму. Но нельзя не заметить, что в нем человеческая личность, ее свобода и инициатива полностью подчинялись инициативе государства и власти, и человек превращался в так называемый винтик. Во всем – от сна и семьи, воспитания детей до физкультуры и отдыха, массовых действ и музыки – он подчинялся бы единым стандартам и выверенным технологиям. Все управлялось бы сверху по проектам и планам, и все инициативы подвергались тщательной оценке и экспертизе с точки зрения социально-экономической, идеологической и стратегической линии партии. Выдержали бы массы такой идеальный строй жизни, сказать трудно.

Возможно, что сам Гинзбург, как пишет Д. Хмельницкий [1], был склонен к индивидуализации своих проектов и его планировки жилых домов отличаются уютом и индивидуальностью. Разумеется, рассчитывать на то, что в массовом масштабе строительства таковыми стали и все проектировщики нет никаких надежд. Более того, не вполне понятно как бы выглядели города, застроенные даже самим Гинзбургом, ибо отмечаемые Д. Хмельницким достоинства его проектов едва ли видны неспециалисту.

Важно, на мой взгляд, другое – принципиальный конструктивизм Гинзбурга времен журнала «Современная архитектура» был ясной программой общестилевого и средового стандарта, который в руках посредственных исполнителей производил бы гнетущее впечатление. Даже поселок Ле Корбюзье Пессак не очаровывал. Масштаб строительных планов Сталина не мог принять такой стилистический стереотип.

Вторая причина в том, что большевистский энтузиазм Гинзбурга показывал в нем своего рода решительность,

которая Сталину могла быть чужда в среде его подчиненных, он предпочитал послушных и заискивающих. Поэтому удушение конструктивизма было стратегическим решением. И оно не строилось на вкусе к театральной пышности. Сам облик вождя, выработанный Сталиным, в корне такой театризации противоречит.

Мне кажется, что парадоксальность выбора академизма, сталинского ампира или даже барокко можно объяснить другим – логикой рефлексивных обманов и притворств. То, что эта линия, вопреки идеальной рационально продуманной программе конструктивистов, свернула на путь театризованных инсценировок, своего рода маскарадов и бутафорской пышности, дорогостоящих материалов и всевозможных «излишеств» (слово эпохи Н. С. Хрущева), остается фактом. Хотя и совершенно невообразимым с точки зрения логики и экономики страны, готовившейся к войне.

Теперь можно объяснять его множеством идейных причин, хотя история не знает сослагательного наклонения. Но история потому и становится историей, что ВЫБИРАЕТ какой-то путь из нескольких возможных. В данном случае путь противоположный большевистской идеологии конструктивизма.

В книге Е. Сидориной «Конструктивизм без берегов» [2] сам конструктивизм отнюдь не сводится к программе М. Гинзбурга, и автор находит следы и идеи конструктивизма в огромном многообразии постсимволического искусства авангарда. Но я имею в виду именно тот вариант «конструктивизма», который осознавался как техника построения жесткой системы государственного управления и индивидуальной, и социальной жизнью.

Вполне возможно, что этот большевистский конструктивизм самим его идеологам напоминал военный коммунизм и троцкизм, но они принимали его как необходимость, продиктованную временем и ограниченностью средств. А к чему он мог привести в дальнейшем, можно только гадать. Но если бы он удержался в качестве генеральной линии лет 30, мы имели бы образец иной культуры. И не исключено, что это была бы культура, в большей степени напоминающая Оруэлла, чем что-либо другое.

Сейчас на это не стоит тратить время: исторический момент был пройден и возврат к нему едва ли возможен.

Массовая культура по образцу военного лагеря уступила место массовой потребительской культуре, в которой командует не фельдфебель, а продавец и дизайнер, не лозунг, а реклама. Формы одежды диктует не военный министр, а модный кутюрье, жилище дома следует не схеме казарм, а схеме вилл и прочим радостям индивидуализированного потребления и отчасти – роскоши. Но это – своего рода иная утопия, чем утопия конструктивизма, и она пока что входит в реальность даже в государствах, в которых еще недавно все носили одинаковые штаны и пиджаки а-ля Мао.

С точки зрения истории, однако, эти нереализованные возможности, которые порой воспринимаются как жертвы диктатуры, теперь могли бы казаться уже далеко не столь желанными и самим их авторам. Можно ли было в дальнейшем по ходу дела менять стратегию и переходить на проектные концепции, ориентированные на индивидуальный стиль и образ жизни, сказать трудно, так как такие переходы были бы уже опутаны массой технических, идеологических и прочих условий реализации.

И дело не только в индивидуализме. Тут же возникает вопрос и о своего рода культовой энергетике архитектуры. Проект Дворца Советов и архитектурные Малевича не так уж далеки друг от друга. Мавзолеем Шушова мог бы быть вариантом супрематической логики. Сталин, видимо, имел в виду эти культовые обертоны зодчества и сомневался в том, что в его власти руководить культом, построенным на монастырской логике самоограничений. Ему требовался эффектный прорыв этой самоорганизованности духа, и он в большой мере был прав, подозревая, что его реализация в принципе ведет в никуда.

А классицизм в таком случае был хорош уже тем, что он не ложился ни в какую логику и был своего рода валянием дурака, обманом всех своих верноподданных, и в то же время провокацией и соблазном. Сталин был величайшим обманщиком и хитрецом, и потому этот классический спектакль устраивал его как самая надежная игровая тактика.

То, что поэзия не пошла по пути ничевоков, ограничивавших стихи только звуками, отбросив слова, отчасти было обусловлено технически: люди продолжали говорить, а не просто «мычать». В поэзии не было нужды пускать ее на индустриальные рельсы и в каком-либо варианте конструктивизма, приравнивать стихи к штыку винтовки и автомату Калашникова.

Но теоретически это все же можно считать интересным. Физики для исследования законов микромира вынуждены строить дорогие гигантские ускорители – коллайдеры. Социальные ускорители и коллайдеры (адронные) могли бы быть аналогами этих экспериментальных устройств, проверяющих степень устойчивости и податливости привычек и норм поведения для элементарных частиц социума – человек. В таких ускорителях, возможно, в массовом порядке производились бы Павлики Морозовы, Стахановы, Паши Ангелины и прочие специальные социальные частицы.

Джордж Оруэлл рисовал нечто подобное в своем «Новой мире», где трудящиеся «землю попашут, попишут стихи», причем стихи, вероятно, способные поднимать производительность труда на вполне измеримые единицы. В 20–30 годы в институте труда, вероятно, думали и о таком.

Разумеется, одновременно с конструктивизмом в архитектуре имелись и другие варианты жизнестроительства. Не говоря уж о биологическом скрещивании человека с обезьяной. Могли рассматриваться разные психотехники и технические варианты труда и отдыха, например особые коллективные спальни, о которых мечтал Мельников (проект «Сонная соната»).

В работах других конструктивистов могли рассматриваться и принципиально индивидуализированные варианты творчества, и конструкции, возвращавшиеся к пластическим чудесам архаики (например, «Башня Татлина», чем-то напоминающая сушилку для бутылок Дюшана).

Иные рефлексивные и игровые варианты конструктивной фантазии реализовались в творчестве дадаистов и обэриутов, где проектировались исключительно индивидуальные или стандартные и порой бессмысленные конструкции смыслов.

Авангардистские поиски 20–30 годов, с одной стороны, ушли в прошлое и музеи, с другой же стороны, для тех, кто задумывается о будущем новой глобальной цивилизации с ее совершенно новыми техническими средствами коммуникации и интерактивности, все эти идеи могут неожиданно стать новыми ориентирами.

Было бы крайне важно, играя в такую реанимацию авангарда, не забывать, что последствия игр, становясь реализуемыми с помощью организационных норм или технических систем, могут привести к неожиданным результатам, существенным для будущего человека как антропологического типа.

«Эффективный менеджер» И. В. Сталин оказался инициатором торможения некоторых из возможных продолжений авангардных игр, он притормозил большевистский вариант конструктивизма, но в будущем подобные ситуации могут оказаться уже во власти менее заметных фигур – каких-нибудь проектировщиков компьютерных игр или инициаторов новых видов спорта.

Тут вся загадка в том, возможна ли в будущем гибридизация тоталитарных и рыночных систем массового управления. Радикализм и экстремизм в таком случае могут легко стать инициаторами своего рода терроризма, направленного на те или иные социальные группы, притом с достаточно благими намерениями.

Видимо, борьба с терроризмом в таком случае становится уже не только делом политических и военных стратегов и тактиков, но и вопросом принципов проектирования и социальной организации массовых процессов жизни и их всесторонней прогностической оценки. В том числе и в архитектуре. Уроки авангарда начала XX века важны не только как стимулы, но и как предостережения.

Литература

1. Хмельницкий, Д. С. Зодчий Сталин. – Москва: Новое литературное обозрение. – 2007. – 312 с.
2. Сидорина, Е. В. Конструктивизм без берегов. Исследования и этюды о русском авангарде. – Москва: Прогресс-Традиция, 2012. – 656 с.

References

Khmel'nitsky, D. S. (2007). *Zodchii Stalin [Architect Stalin]*. Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie*.

Sidorina, E. V. (2012). *Konstruktivism bez beregov. Issledovaniya i etyudy o russkom avangarde [Boundless constructivism. Studies and sketches on Russian avant-garde]*. Moscow: *Progress-Traditsiya*.